

МУРЭЗИЛКА №7

ИЮЛЬ

1925

9.10.25 1925

ИЗДАНИЕ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“

При этом номере прилагается бесплатное приложение „Зоологический Сад“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемесячный журнал для младшего возраста от 4 до 7 лет

год издания 2-й. „**МУРЗИЛКА**“ год издания 2-й.

В ЖУРНАЛЕ ПОМЕЩАЮТСЯ:

1. Рассказы, очерки, сценки из мира животных.	5. Очерки из области труда и производства.
2. Стихотворения, басни.	6. Занятия, игры, работы, самодельные игрушки из бросового материала.
3. Маленькие пьески.	7. Шутки, задачи, загадки.
4. Первые рассказы о явлениях природы, о животных и растениях.	8. Мурзилкин клуб, письма ребят, мелочи.

Журнал выходит ежемесячно—книжками, отпечатанными крупным шрифтом, со множеством рисунков и в красочной обложке.

В каждой книжке рисунки в красках и **БЕСПЛАТНЫЕ ПРИЛОЖЕНИЯ:**

Модели зданий, разных предметов для вырезывания и склеивания. Самодельные игрушки для вырезывания и склеивания. Театры, цирки. Игры, работы, занятия самого разнообразного содержания.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 1 месяц **40** коп., на 3 месяца **1 р. 20** коп.

Адрес редакции и конторы: Москва, Охотный ряд, 7, „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“.

ВСЕМ ОКТЯБРЯТАМ!

Слушайте!

- Журнал „РАДИО - ОКТЯБРЕНОК“ передается со станции имени Коминтерна—единственный в мире журнал для октябрят по радио.
- „РАДИО - ОКТЯБРЕНОК“ слушают ребята по всем уголкам СССР—в любой деревне, в любом городе.
- „РАДИО - ОКТЯБРЕНОК“ хочет связать между собою, сблизить друг с другом всех октябрят, хочет оградить их жизнь, их работу и обычаи и помочь им в работе.
- „РАДИО - ОКТЯБРЕНОК“ ждет, что сами октябрюта помогут ему в этом, если они будут писать ему о своей жизни, о своих радостях и огорчениях.

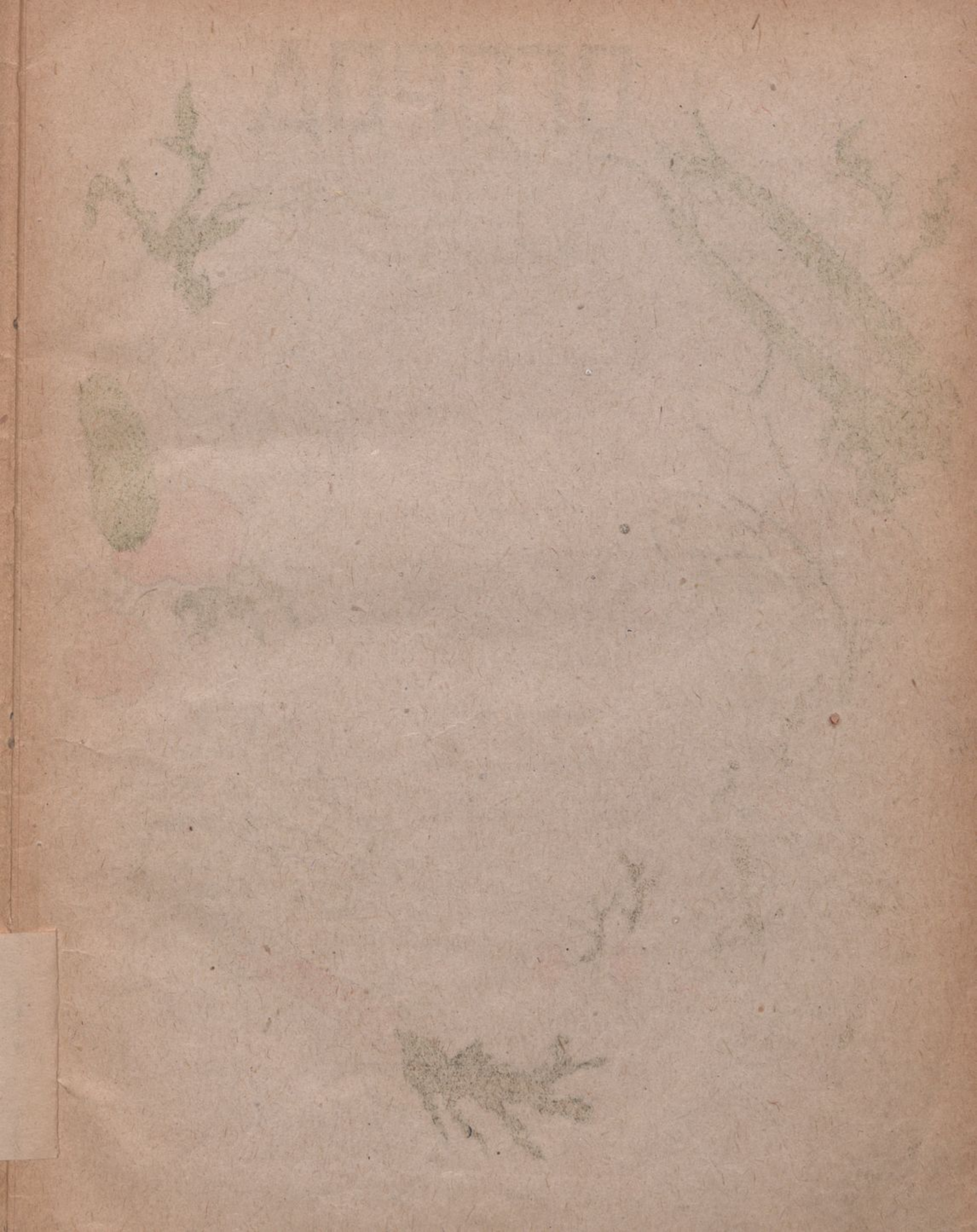
Шлите ваши письма, заметки в редакцию „РАДИО-ОКТЯБРЕНОК“:

Москва, Охотный ряд, 7, „Рабочая Газета“, „Мурзилке“—для „РАДИО-ОКТЯБРЕНКА“.

К премии „Зоологический Сад“.

Зверей вырезать и склеить половинки их, оставив ноги свободными.

Пока хорошая погода, можно устраивать „Зоологический Сад“ на воле. Клетки для хищных зверей, чтобы они не бросались на публику, сделайте сами из дощечек или картона. Решетки можно сделать из деревянных спичек. Эти звери их все равно не сломают.

ОГОРОД

Вышел Проша в огород;
Все-то зреет, все растет:
И капусты кочанок,
Помидор и бурачек.
Больно вкусен горох,
И огурчик не плох,
Хороша луку головка,
А уж красная морковка —
Право лучше в свете нет
Ни пирожных, ни конфет,
Что на окнах на больших
Магазинов городских.

XX
63
11

МУРЗИЛКА

1925 г.
июль

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ „РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА.
==== Год второй. ====

№ 7.
июль

Октябренок учится.

У бабушки в плену.

Не любила бабка Алена ни пионеров, ни октябрят. Когда внука ее, Митюньку, в октябрюта записали, она — чуть не в слезы.

— Озорники они, ребята-то. Погубят Митюньку. Да погоди, дай срок, отважу я Митюньку от этого.

А Митюнька так и рвется к своим, к октябрятам, все с ними да с ними, совсем от дома отбился.

Бабка именины свои справлять готовилась: замесила тесто на пирог, рыбы купила, того, другого...

А у Митюньки в тот день — аккурат экскурсия назначена за город.

С вечера бабка Алена говорит:

— Не пущу я тебя, Митюнька. Отпразднуй с нами. То-то хорошо, утром в церкву пойдём, а там закусим вместе, и матери приятно, и мне хорошо.

Митюнька — нипочем.

— На экскурсию, — говорит, — хочу.

— А, ну, тебя. Не пущу, и не пущу.

Митюнька и так, и сяк, — нет, уперлась бабка. В слезы — Митюнька. Так и заснул в слезах.

Утром проснулся. — „Удери, — думает, — чего там. К десяти часам сбор назначен, успею“.

Стал одеваться, — рубашки нет и башмаков тоже. Туда-сюда, — не найдет. Что за история?

А бабушка в кухне с самоваром возится.

— Бабушка, а бабушка! — окликнул Митюнька.

— Чего тебе?

— Где башмаки да рубашка?

А бабушка ему:

— Мать, на базар уходя, заперла.

Засопел носом Митюнька, понял, — морочит его бабушка. Встал босой, без рубашки. „Ничего, — думает, — я тебя перехитрю“.

— Бабушка, — говорит, — дай хлеба да яичко закусить.

А та ему:

— Вот мать придет, будем чай пить и закусим.

Хотел Митюнька на двор шмыгнуть, ан, дверь заперта. А бабушка ему лукаво:

— Мать ушла, ключ с собой унесла.

Сел Митюнька у окна, задумался. А бабушка довольна. Ходит взад, вперед, про себя усмехается: „нет, мол, Митюньке ходу никуда“.

Пошла опять в кухню зачем-то. Вернулась,—в комнате нет никого, а окно распахнуто настежь.

Всплеснула руками бабушка.

— Вот сорванец!.. Ах, батюшки мои! Удрал-таки,—нагишем да без обуви, не пимши, не емши!

Скорей рубашку да башмаки Митюнькины достала, хлеба кусок да яиц,—бросилась на улицу.

Бежит Митюнька по улице,—только голые пятки сверкают. Бежит без рубашонки, босой. А за ним бабушка вдогонку—со всеми припасами да кричит:

— Стой, стой, Митюнька! Рубашку-то хоть одень, баловник, да башмаки. Ах, ты, батюшки! Босой ведь!

А Митюнька бежит, на ходу ей отвечает:

— А я и босиком, я и босиком.

Насилу-то бабушка его догнала, чуть не задохнулась. Сама одела, обула его, завтрак в карман сунула и рукой махнула:

— И отчаянный же ты, Митька, стал,—говорит.

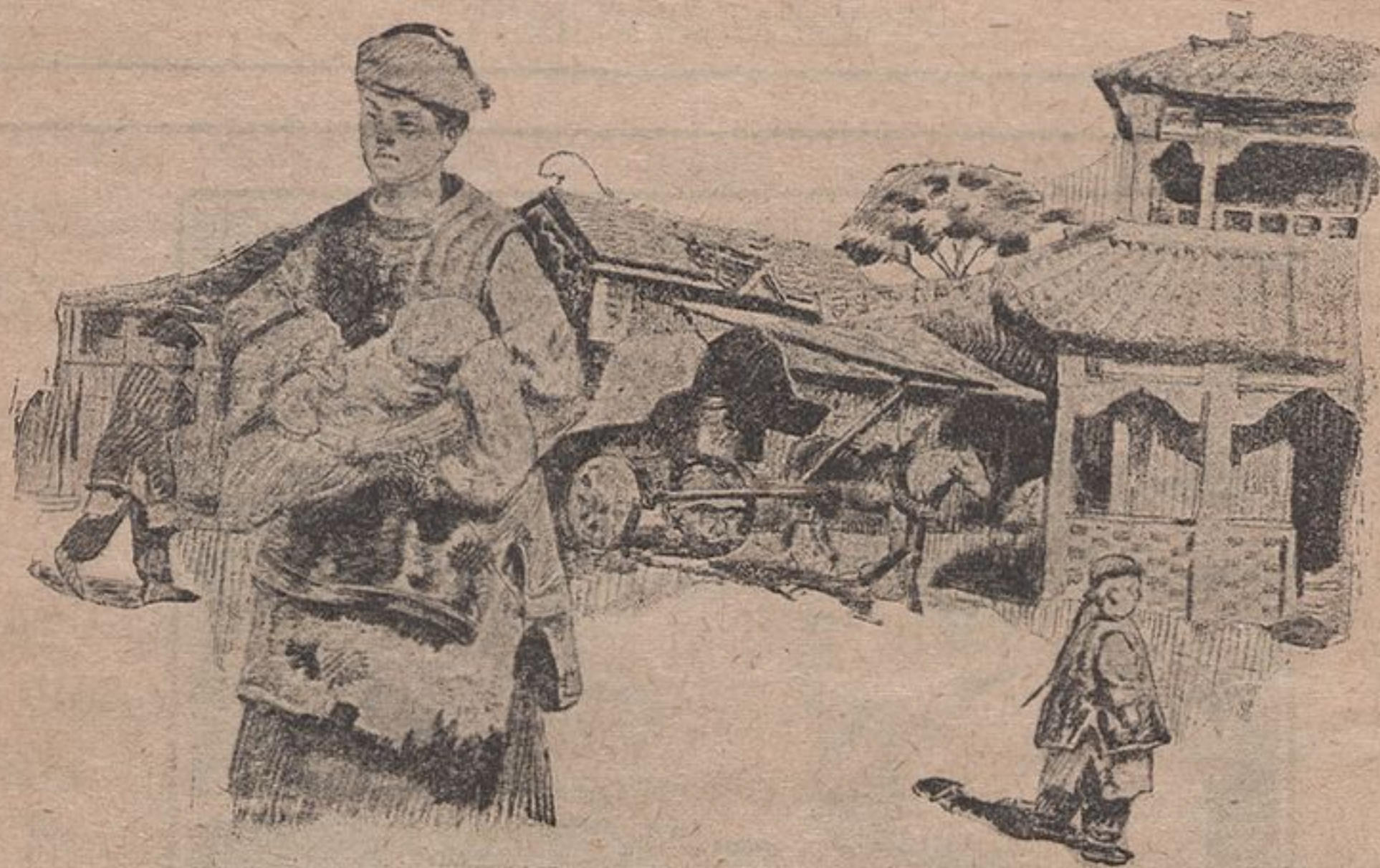
А Митюнька рот до ушей растянул,—смеется:

— У нас октябрята и все такие, что пионеры: нас не запугаешь, бабушка, чего хочешь добьемся.

Пока еще стреляет Бобка
Из деревянного ружья и пробкой
В нос Шарику, а то—по воробьям...
Ну, в красной армии—нужна не та сноровка,
Как попадешь туда,—держи в руках винтовку
За власть рабочих и крестьян.

КИТАЙЧЕНОК СУ-МИ.

Китайченок Су-Ми, как только родился, так сейчас же узнал и горе, и нужду. Мать его работала на текстильной фабрике, получала гроши, и их семья едва кормилась. Маленького Су-Ми она брала с собой на фабрику. Там положит его на грудку шелковичных коконов, а сама становится на работу.

Спит маленький Су-Ми, спит,—проголодается и начнет кричать с голоду. Никто не слышит его.

Покричит, покричит да так и заснет с голоду.

Вырос Су-Ми. Было ему 4 года, когда приставили его к первой работе. Сидит он между шелковичными коконами, разбирает их, а негодные бросает в сторону.

Потом на другую работу его перевели: размачивать коконы в горячей воде, перед тем, как сматывать с них шелк. Это—трудно. От горячей воды концы пальцев у Су-Ми стали белые, сморщенные.

Кожа лопалась, отставала от пальцев. Плачет, а работает Су-Ми, а не то надсмотрщик побьет.

А тут еще у Су-Ми брат родился, и мать стала брать его с собой на работу. Тут уже Су-Ми приходилось и работать, и за братом присматривать.

Ходит Су-Ми весь в грязи, оборванный, чуть не голый, голодает изо дня в день.

Отец сидит без работы, а мать от частой голодовки и непосильного труда стала прихварывать. Впрочем, не долго пролежала она больная и умерла. Тут уже совсем стало плохо жить.

Пошел отец к заведующему фабрикой, англичанину Джексону, и говорит:

— Жить тяжело, работы нет.

— Ну, а мне что?—спрашивает Джексон.

— Мне надо есть, и маленькому сыну тоже...

Джексон засмеялся и говорит:

— Ну, если вы все помрете с голоду, не беда!

Но китаец сказал:

— Мне-то все равно, но ребенка жаль, надо содержать его. Не наймете ли вы моего Су-Ми на несколько лет, чтобы деньги за него получить вперед?

Джексон рассмеялся:

— То есть ты хочешь продать его? Что-ж, это можно. Дело обыкновенное.

Так и продали маленького Су-Ми на фабрику.

Ему было уже 5 лет, и теперь ему приходилось работать по 15 часов в сутки. Он должен был смотреть за машиной и смазывать ее.

Но Су-Ми так уставал, что нередко засыпал около машины на полу. Он вообще постоянно ходил ка-

кой-то вялый и ленивый. Его морила усталость, и голод донимал его постоянно: уж очень плохо кормили ребят на фабрике. Спать ему хотелось с утра до ночи. И за сон Су-Ми отдал бы все.

Как-то раз тайком в рабочее время убежал он на фабричный двор—подышать чистым воздухом. Грязно тут было, смрадно, но после душной надоевшей ему фабрики—и здесь было прекрасно.

Около забора лежала и спала жирная свинья. И Су-Ми стало завидно. Вот, сытая, довольная, лежит она, греется на солнце и спит, и никто ее не трогает.

И не удержался маленький Су-Ми, прилег около

свиньи, прислонился головой к ее жирному брюху и заснул; а к нему еще уличные ребятишки присоединились.

Фабричный сторож, японец Хо, нашел маленького Су-Ми тут, поднял его за шиворот, как котенка, и с торжеством понес в контору.

И попало же маленькому Су-Ми за это удовольствие! Оба уха у него долго горели огнем, до того надергал их Джексон. От подзатыльников Су-Ми думал, что голова у него оторвется от шеи.

Весь день после этого он работал очень усердно. Но в наказание его заставили отработать лишних 3 часа. И это именно и сгубило его.

Он тыкался носом от усталости, свалился около машины и заснул, словно убитый...

И вдруг какая-то неведомая сила подняла его на воздух, ударила раз, другой; точно чем-то обожгло его...

Крики ужаса раздались вокруг него, но он ничего не слышал, ничего не сознавал.

А когда утром Джексону доложили, что маленького китайчонка Су-Ми ночью втянуло в маховое колесо, — он только поморщился и спросил:

— Как же это так случилось?..

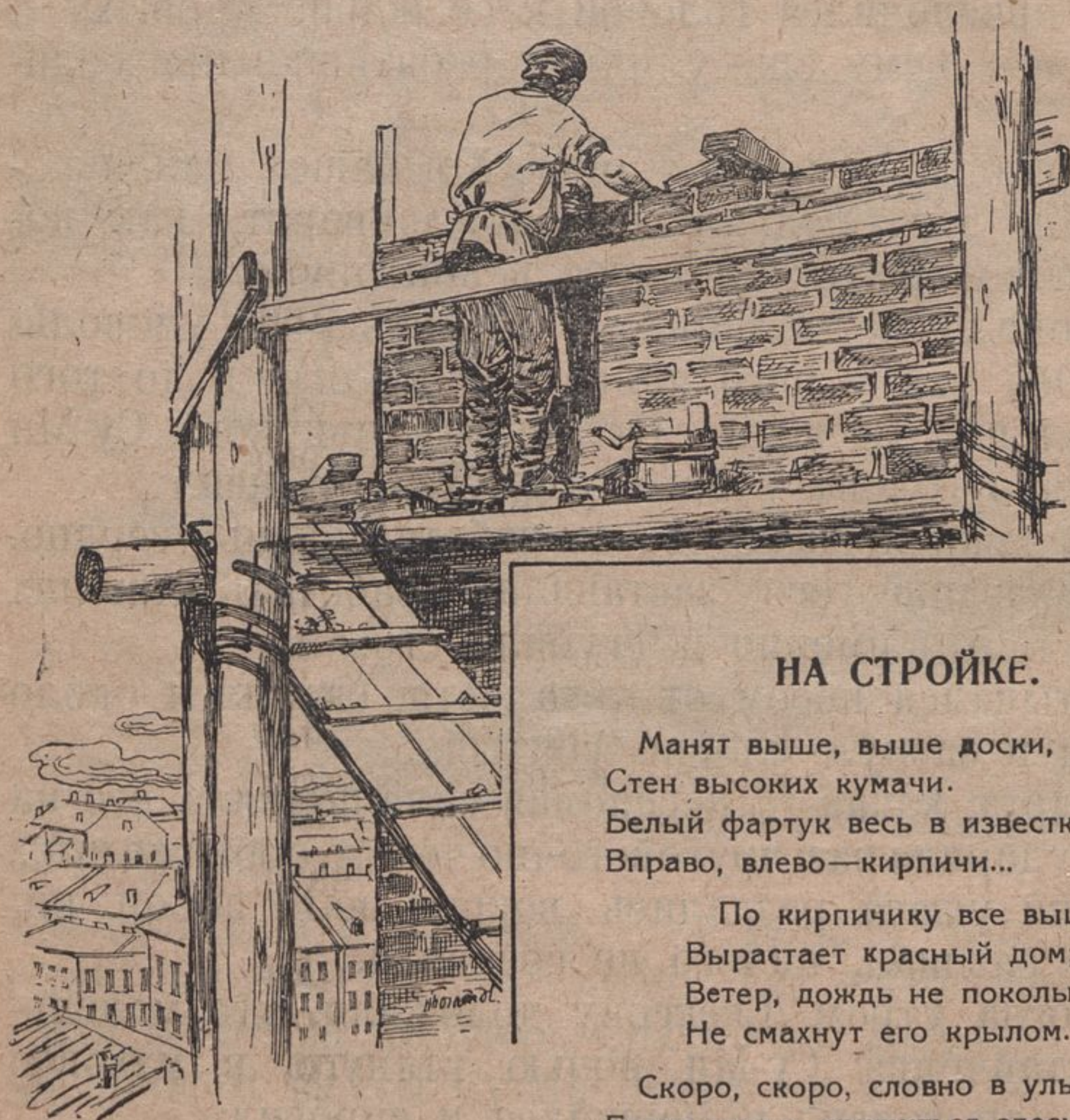
— Да заснул около самого колеса.

— А, ну, и по-делом! Жив он еще?..

— О, нет, он умер часа через два.

Джексон пожал плечами.

— Ну, что-ж, одним щенком меньше. Малыш отработал свое, — то, чего он стоил. Убытка нет!

НА СТРОЙКЕ.

Манят выше, выше доски,
Стен высоких кумачи.
Белый фартук весь в извештке.
Вправо, влево—кирпичи...

По кирпичику все выше
Вырастает красный дом;
Ветер, дождь не поколышут,
Не смахнут его крылом.

Скоро, скоро, словно в ульи,
Будет жизнь кружиться здесь.
А пока над сеткой улиц
Льется каменщика песнь.

Там, внизу, никто не слышит,
Там, внизу,—и стук, и гром.
По кирпичику все выше
Вырастает красный дом!

А. Насимович.

РЫЖЕХВОСТИК

I.

На полях копошились пичужки. Они отыскивали червячков и поднимали клювами нежный пух травы. Радостно звенела капель, а земля жадно пила влагу и подымала кверху молодые ростки.

Вася, Павлик и Галя бродили по опушке леса и искали подснежников.

Их встретил пастух Гаврюшка с берестяной дудкой в руках. Он выводил на ней какой-то тягучий напев, сзывал стадо, а стадо разноцветными пятнами рассыпалось по откосу поляны. Около Гаврюшки стояло завязанное ситцевым платком лукошко.

У ребятишек в руках были праздничные румяные ватрушки с творогом. Гаврюшка сказал:

— Э, давай ватрушки, забирай за то белку. Смотрите, маленькая!

— Белка? Где белка? Какая белка?

Вася бросился к корзине, но Гаврюшка отстранил его:

— Не трожь... выпустишь...

Вася, уже просунувший руку под платок, отдернул ее, как ужаленный:

— Кусается!..

Он все-таки отдал ватрушку пастуху. И другие ребята отдали свои. А взамен они получили заветное лукошко, и Влея торжественно понес его домой в лесную сторожку.

Павлик живо притащил из чулана старую клетку, что сделал

когда-то отец для скворцов, и мохнатенький зверок с рыжим хвостом—султанчиком был туда посажен осторожно. Туда же подсунули подстилку из остатков шерстяного чулка и пакли, положили сухарей, а маленькая Галя отдала даже свой кусочек сахару.

Она просовывала сквозь проволочную решетку пальцы и спрашивала:

— Тять, отчего она не ест?

— А вы обступили клетку, вот она и боится,—сказал лесник.— Сразу не привыкнет. Отойдите, она и станет есть. Да унесите на чердак, а то мамка забранится, — и своей канители в избе много, и без белки.

Он взглянул в окно:

— Гляди, опять деревенские ребяташки по лесу рыщут, будут кору с берез на лукошки драть,—попортят деревья. Бегите,—отвадьте их!

Дети лесника побежали в лес и позабыли про рыжехвостенькую.

II.

Когда они вернулись домой, белочка сидела в клетке и, уже немного привыкнув к ней, тихонько ела сахар. Из-под верхней губы ее выглядывали мелкие зубки, и между ними исчезали с легким хрустением кусочки сахара. Сидела она на задних лапках,—хвост был гордо поднят вверх.

Несколько дней спустя, Галя как-то встала раньше всех и побежала на чердак. Она несла белочке гостинец—горсточку орехов, что вечером ей привезла тетка с ярмарки.

Она вернулась в избу взволнованная и начала будить Васю и Павлика:

— Вставайте, вставайте, у белки в клетке крысы.

Когда бежали на чердак, Галя рассказывала:

— Маленькие крысы, голые...

— Много?

— Много. Больше двух.

Галя умела считать только до двух.

Добрались до клетки белочки. Увидели, что внутри клетки возле белки копошились четыре маленьких крысы.

Они были безобразные, голые и с длинными хвостами. Но белка была с ними очень ласкова, даже позволяла зарываться в свою пушистую шерсть.

— Надо бы их выкинуть, — решил Павлик, — они ее с'едят.

Гале стало жалко:

— Ну, как же, они ведь маленькие!..

Вася вдруг закричал:

— Они ее сосут, как котята Мурку. Это ее дети.

— У белки — котята!..

Ребята были совсем счастливы своим открытием.

III.

Дети белки скоро покрылись шерстью. Они были удивительно злые и кусались.

Весна распустилась пышным цветом, и ребята пропадали в лесу. Они теперь часто забывали о белке.

В ясный солнечный день белочка вдруг исчезла. Дети забыли закрыть дверцу клетки. Среди пакли в гнезде остались только четверо бельчат.

Для ребят это было настоящим горем.

Павлик пыхтел и размышлял о том, как и чем прокормить теперь бельчат.

Но белка скоро и совсем неожиданно пришла обратно. Она притащила с собою сосновую шишку и водворила ее в клетке.

После этого ребята решили не запираить белочку, и та бегала свободно в лес.

Скоро клетка ее была битком набита сосновыми и еловыми шишками, семечками, шелухой от разных семян.

Прошло несколько дней, и из клетки исчезли два бельчонка. Куда девались они? Неужели их заел хорек или кошка?

Ребята с нетерпением ждали возвращения белки. Вот в слуховом окне мелькнул ее пушистый хвостик. Скоро она была опять в клетке. Галя закричала:

— Вася, она куда-то несет его...

Белка схватила за шиворот бельчонка и исчезла в окне.

— Остался один бельчонок, — сказал Вася, — не отдадим его. Будем кормить его сами. Запирай, Павлик, клетку!..

Несколько раз приходила белка за бельчонок. Несколько раз ребята пытались ее захлопнуть, но белка была осторожна.

Детям надоело ловить, и они ушли с чердака. Дверь клетки осталась запертой.

Потом, нагулявшись, вспомнили о бельчонке и прибежали на чердак. Принесли сухарей, семян из еловых шишек, кусочек сахара; но бельчонок не дотрагивался до пищи.

Вася сказал Павлику:

— Он умрет.

Павлик нахмурился и засопел:

— Зачем было его оставлять? Отдали бы вчера белке!..

— Ну, и молчи, и без того тошно.

Вдруг Галя оттянула Васю за рукав и указала на слуховое окно. Там на задних лапках сидела старая белка.

Не говоря ни слова, Павлик распахнул перед нею дверцы клетки и отбежал в самый угол чердака.

Белка соскочила с окна, одним прыжком прыгнула к клетке; мелькнул ее поднятый свечкой хвост, а в следующий момент она была с бельчонком уже за слуховым окном. Только ребята и видели белку и бельчонка.

Лес шумел о свободе всей листвой, стрекотанием кузнечиков, стукотней дятла о древесную кору, кукованьем кукушки.

А клетка была пуста. И ладно!..

Ал. Алтаев.

Ежик.

Мальчик странный шарик в садике нашел:
Весь он в острых иглах и такой большой.
Мальчик тронул шарик, — палец уколол.
Смотрит, — странный шарик медленно пошел.
Шарик покатился... Мальчик закричал...
Шарик развернулся, — ежик побежал!

Николай Ливкин.

ЛИСИЙ ВОРОТНИК

Жила-была лиса в лесу, густом-прегустом.
Шкурка у нее рыжая, хвост—помелом.
Ловила лиса птичек-вострушек
Да разных лесных зверушек.
С'ест, косточками похрустит, хвостиком повертит,
Сыта—так, что двигаться лень.
Ну, и спит целый день.

Стали птички от нее хорониться,
А зверушки лесные—зайцы, мышки да кроты,
В разные стороны задали

лататы;

Пришлось тут лисе попо-

ститься.

Стало лисе в лесу совсем не

житье;

Села лиса под ель, да и за

вытье.

Вдруг слышит,—на дереве

запел петух;

Занялся у лисы дух.

Голодной-то сидеть не охота!..

Пошла в село на охоту.

Стал дед Михей на селе примечать,—

Начали куры у него пропадать;

А от клетушки по утрам, чуть свет,

Виден к лесу ниточкой лисий след.

Проследил Михей тот следок в клетушку,

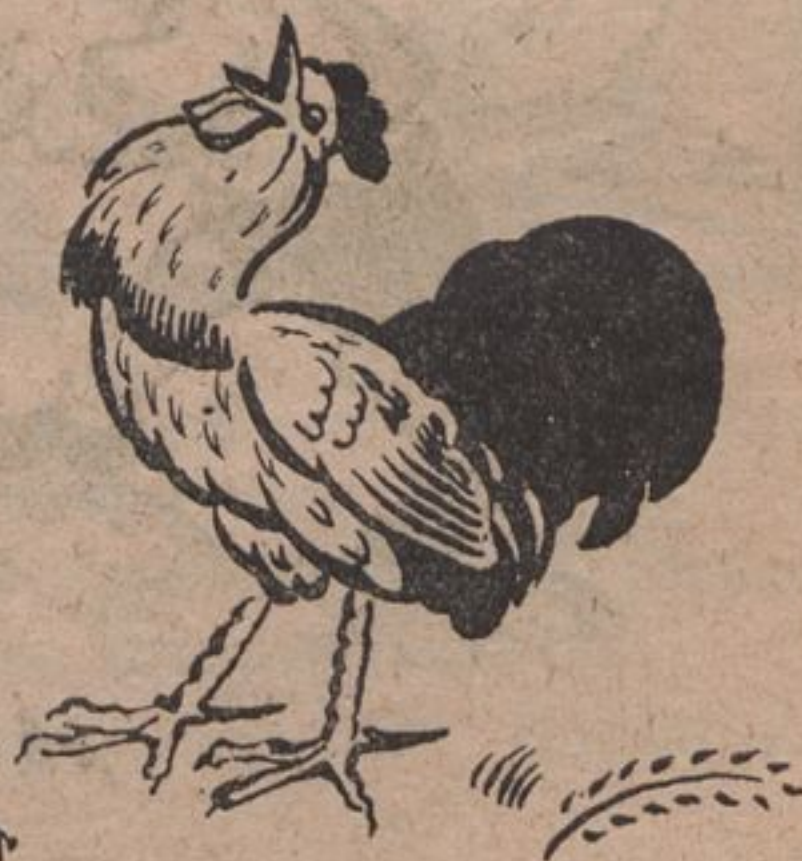
Поставил капкан, и попалась лиса в ловушку.

Был на все руки дед Михей не дурак:

Он и пахарь, он и охотник, и скорняк;

А скорняком тот человек называется,

Что выделкой звериных шкурок занимается.

Дед Михей шкурку ловко с лисы содрал.
 мехом вниз ее на столе разостлал.
 — „Ладно, шкурка-шкуркой,—думает Михеев внучок,—
 А на что-ж мамка тащит с овсяной гущей горшок?“ —
 Не жалея, покрыл Михей шкурку тестом
 И повесил в клеть на сохранное место.
 Высохла гуща. Дед Михей шкурку берет,
 На деревянную подставку-кобылу ее кладет.
 Увидел Ванька, торопится с печки слезать:
 — „А зачем ты, дед, нож-то взял? Лису кромсать?“ —
 — „Ишь, умник!—смеется Михей,—за догадку люблю;
 Да ведь ножом-то я все лишнее с гущей и соскоблю“.—
 Как очистил Михей на совесть шкурку,
 Пришлось опять мамке лезть в печурку...
 Тащит горшок—уж не с гущей, а с кислым тестом.
 Намазали, да дня на два опять—в клеть, на старое место.
 Опять смотрит мальчонка на деда, удивляется:
 — „И с чего это дед вдруг зимой разувается?“ —
 А Михей бросил шкурку на пол, да ну плясать,
 Шкурку босыми ногами топтать.
 А потом опять принялся за то-же, что было:
 Еще раз положил шкурку отскабливать на кобылу.
 Обработал Михей на-диво с изнанки лису.
 — „Ну,—говорит,—теперь будем на мех наводить красу“.
 Ванька совсем одурел, скребет в затылке:
 — „На что-ж это деду понадобились опилки?“ —
 Стояла в избе Михеевой бочка, да не простая,—
 На двух подставках вертелась, а внутри—пустая.
 — „Ну-ка, внучек, подсоби! Сперва—шкурку в бочку.
 Теперь сыпь опилки. Еще! Хватит, в самую точку.
 Да никак Ванюша мой опять удивляется?
 Дурачок! мех-то в опилках от жиру очищается“.—
 Шкурка в бочке лежит, кувырдается,
 Дед вертит,—устал, отдувается,

Вынул Михей шкурку из бочки, опилки стряхнул
 Да на плетень ее повесил, чтоб ветерок обдул.
 Досталось тут работы и гребешку:

Расчесала Михеева баба шкурку волосок к волоску.
 Стала шкурка изнутри мягкая да чистая,
 А снаружи—пушистая, препушистая.
 Что-то Ваньке спокойно на печи не ложится...
 Ворочается он, кряхтит, с боку на бок вертится.
 Думает:— „Ишь, дед, мудреный старик:
 Ухитрился какой важный сработать воротник!
 Уж и мяли лису, и скоблили лису,
 Да уж, можно сказать, и навели красу!“—

Е. Дмитриева и К. А. Лугина.

И мы—в Китае.

Варя просит рассказать сказку, а Миша, Фрося, Коля и Катя хотят послушать про то, что взаправду было. Как же нам быть, ребята?

— Про правду интереснее...

— Ну да, а в сказке бывает страшное. Сидишь, слушаешь, а самой и оглянуться боязно.

— Да что тут хорошего? Да и не страшно ничего, потому что нет на свете ни ведьм никаких, ни колдунов; враки это все, и слушать не страшно, а скучно.

— Расскажи нам, Володя, про что-нибудь, мы все, все, не только Миша и Фрося, хотим слушать про правду.

— Ну, ладно, ребята. А вы про Китай слышали?

— Слышали и картинки видали. Сад с кустами, и мужчины с косами листики обрывают, раскладывают и сушат; а еще домики такие фигурные и фонарики разноцветные бумажные.

— Ну, этого мало. Да не беда. Вот вырастете, много будете знать, а пока я расскажу вам, что сейчас делается в

Китайка с ребенком.

Китае. Китай—огромная страна. Лежит она далеко от нас, за несколько тысяч верст. Текут по ней громадные реки, есть много гор, растут там много редких растений. Это—богатая страна и живет в ней много народу, 400 миллионов, в четыре раза больше чем у нас.

Много веков жили китайцы сами. Они обрабатывали землю, разводили чай, рис, хлопок, шелковицу, сами производили нужные для них орудия. Они очень чуждались иностранцев и никого к себе не пускали.

А разные купцы со всех стран всячески старались пробраться в Китай, чтобы продавать там свои товары и для себя закупить чаю, шелку, красивых чашечек и шкатулочек и всяких других китайских товаров.

Китайцы купцов к себе не пускали. Тогда те стали приезжать на военных кораблях с страшными пушками, каких у китайцев не было. И кончилось тем, что хоть и больше было китайцев, да английские пушки их одолели.

Вот стали английские, немецкие, французские, японские и русские купцы торговать в Китае. Обижали народ китайский всячески: при торговле обчитывали, обмеривали, просто не платили, подсовывали дрянью всякую вместо хороших товаров. Мало того, завели там торговлю опиумом. Это очень сильный яд. Если его выпить много, можно отравиться. Купцы научили китайцев курить опиум. Это куренье опьяняет человека, но и отравляет его, не сразу, а понемногу; он делается никуда не годным работником и совсем больным.

Китайцы запрещали продажу опиума, вели войну даже. Но ничего не помогло.

Китайченок.

Побили их и снова стали продавать опиум.

Завели там купцы свои фабрики, стали нанимать китайцев на работу. Платили им мало, заставляли очень много работать, в жаре, духоте, в пыли. Сил прямо не было так работать, а они заставляли. Били тех, кто не слушался.

Не стало терпения у китайских рабочих. Собрались они все и объявили, что больше работать так не хотят.

Забастовали, и кончено.

Рассердились промышленники и купцы японские и английские. Напустили на рабочих своих солдат и заставили их стрелять в рабочих... Убили многих. Убивали, не разбирая, кого бьют. Поубивали и ребят. Тут уже весь китайский

народ возмутился: и студенты, и их профессора и даже некоторые китайские генералы стали драться с английскими солдатами.

И вот теперь в Китае идет война...

— Ну, а дальше?..

— Дальше еще не знаю, что будет. Рабочих в Китае не так много, и нет у них сильной коммунистической партии. Может случиться, что китайские купцы и буржуи сговорятся с английскими купцами и вместе нападут на китайских рабочих, чтоб заставить их по-прежнему много, много работать...

— И бить будут, и кормить мало?..

— Ну, конечно...

— Вот, Варя, это пострашнее твоих любимых сказок.

Но Варя не слыхала. Она сидела и широко раскрытыми глазами молча глядела на Володю.

О. В-с.

МУРЗИЛКИНЫ ПОХОЖДЕНИЯ.

IX. Мурзилка в яме.

Устроили как-то обитатели дома отдыха экскурсию на большую гору Змейку. По этой горе дорожка змейкой вьется — туда, сюда. Оттого и гора эта называется Змейкой.

Человек десять собралось, — одних ребят пятеро. Ну, и Петька с Мурзилкой, конечно, — тут как тут...

Ребята сначала — все бегали да бегали, а там и пристали. Идут все тише и тише.

Один Мурзилка не унывает, бегаёт, мечется взад и вперед, как угорелый. То далеко вперед забежит, — то с лаем назад мчится. — Бабочек ловит, на птиц лает. А то уткнется носом в нору, фыркает, чихает, роет землю лапами, как-будто нашел там какого-нибудь зверя.

Высоко поднялись на гору и у одного обрыва прилегли отдохнуть. Обрыв отвесный, образовал нечто в роде глубокого котла.

Стали наши экскурсанты закусывать. И Мурзилка поел, попил, а потом давай по площадке скакать взад, вперед.

Разогнался, — не удержался — да через край обрыва — так и загремел вниз...

Вскочили ребята.

— Ай, ай, ай!.. Мурзилка сквозь землю провалился!..

Петька в голос кричит:

— Батя, батя, пропала Мурзилка!

А Мурзилка — живехонек, только попал он, как в ловушку. Кругом — стены крутые, как ни бьется собака, вылезти не может. Скачет, подпрыгивает, визжит, лает:

— Ах, выручите!.. Ах, выручите!..
 Веревку с петлей спустить, — удавишь Мурзилку. А иначе никак не достать. Как тут быть?

Ребята столпились на краю обрыва, судят, рядят между собой.

А там — прыгнул в яму Мишка, за Мишкой Гришка, за Гришкой Ванька, за Ванькой — Ганька, за Ганькой — Федька, а за Федькой — Петька.

Герасим Кузьмич, отец Петькин, всполошился:

— Ах, ах, убьются ребята!.. Разве так можно? Да как они теперь оттуда вылезут?.. Вот собака негодная! Каких хлопот наделала!

А ребята уж сговорились. Пошептались, и стал внизу у стены Мишка, на Мишку Гришка, на Гришку — Ванька, на Ваньку — Ганька, на Ганьку — Федька, на Федьку — Петька.

Петька аккурат до края достал. Тут Мишка Мурзилку за шиворот схватил да Гришке дает. Гришка — Ваньке, Ванька — Ганьке, Ганька — Федьке, Федька — Петьке, — а Петька и пустил его на полянку.

Потом Герасим Кузьмич Петьку вытащил, потом Федьку, за Федькой Ганьку, за Ганькой Ваньку. А остальным ребятам веревку бросили да так их и подняли одного за другим.

Заложил уши Мурзилка назад, хвост между ног опустил и мечется по площадке, как сумасшедший от радости. И лает, визжит:

— „Спасли Мурзилку, Ай, ай“...

А. Федя.

Мурзилкина почта.

На помещенную в № 5 „Мурзилки“ анкету о том, кто стоит за заглавие „Мурзилки“, кто против,—мы получили пока такие ответы.

Кто за Мурзилку.

Милый Мурзилка!

Я хочу, чтоб ты остался Мурзилкой, а кто не хочет, пусть выписывает себе другой журнал.

Мой Мурзилка, в журнале мне все нравится, только пиши побольше о своих приключениях и затеях и добавь песенки.

Мне 6 лет.

Шура Тамбовцев.

Раменье Волоколамское.

Дорогая редакция „Мурзилка“!

Я хочу, чтобы журнал назывался „Мурзилка“. Я хочу, чтоб приходил ко мне чаще, хотя два раза в месяц, а то скучно его ждать, чтобы похождения Мурзилки продолжались. Я очень люблю читать, как растут растения, как за ними ухаживать, какую они приносят пользу. Еще хочется, чтобы раскрашенные картинки были.

Юра Боголепов (7 лет).

Архангельск.

Дорогая редакция „Мурзилка“!

Мне очень нравится название „Мурзилка“, и заменять его другим не надо. Мне все нравится в журнале „Мурзилка“, а недостает раскрашенных картинок.

А еще мне хотелось бы, чтобы Мурзилка выходил пораньше, а то очень долго ждать. Вот и все, чего мне недостает.

Вера Казачкова.

Дорогой Мурзилка.

В 5 № твоего журнала я прочла письмо Жени и Соии Быстровых, что им хотелось бы переменить название журнала „Мурзилки“ на „Октябренок“. А я не хочу другого названия, я люблю „Мур-

зилочку“, и пусть он так и остается. А если им нравится название „Октябренок“, пусть назовут другой журнал. Мне жаль обидеть „Мурзилочку“, он так хорошо всегда старается. Мурзилкины похождения и рассказы и сказки Ткача-Основы, Алтаева и стишки Вали Катаева мне очень нравятся.

Зоя Пафнутьева.

Запорожье-Каменское.

Миленький Мурзилка.

Не изменяй имени твоего журнала, потому что оно и так красиво.

Ники Мищенко.

Красный Луч, Дон. губ.

Мурзилка.

Считаю, что название журнала „Мурзилка“ вполне хорошее, и советую редакции этого журнала названия не менять.

Яша Черненький (9 лет).

Дрезна.

За меня!.. За меня!..

ДОРОГОЙ МУРЗИЛКА
ИЛОЧКА МНЕ ОЧЕНЬ
НЬ ПОНРАВИЛ
ИСЬ РОСКА
ЗЫ ОСОБИНО МУРЗИЛКИНЫ ПОХОЖДЕНИЯ

Милый Мурзилочка.

Всякий порядочный человек старается не менять своей физиономии и своего имени. Мы так полюбили твою мордочку и твою кличку; останься прежней, не будь хамелеоном.

Ростов.

Сереза Вейсберг.

Наша любимая редакция „Мурзилка“. А мы тоже хотим, чтобы журнал был „Мурзилка“.

Мы все пятеро решили,—Мурзилка лучше, и мы очень и очень любим Мурзилку и каждый новый журнал ждем с нетерпением, а как получим, все прыгаем от радости. Нам тоже не надо по-другому, мы не согласны.

Витя 10 л., Коля 8 л., Тоня 5 л., Миша 3 1/2 Боевы и наш племянник Юра Павловский.

Златоуст.

Редакция „Мурзилка“.

Мне нравится название Мурзилка, его читают не одни октябрюта. Заменять название нашего хорошего „Мурзилки“ не нужно. Пишите больше про его похождения.

Уфа.

Лодик Глазырин.

„Мурзилка“—хорошее название, не нужно переменять. Мне нравятся Мурзилкины похождения. Пишите их до конца.

Свердловск.

Шумнов.

Дорогой Мурзилка.

Ты мне очень нравишься. Я люблю про тебя читать и хочу, чтобы журнал тоже назывался „Мурзилка“.

Еще люблю твои приложения и стишки.

Люся Куранова, 9 лет.

Жагино, М.-Н. ж. д., ф-ка Решетиха.

Я прошу, чтобы был журнал „Мурзилка“, потому что одно название привлекает.

Ваня Батуревич.

Русаки, Белоруссия.

Я бы хотел, чтобы осталось название „Мурзилка“, потому что „Октябренок“ очень скучное название.

Толя Машечико, 9 лет.

Название „Мурзилка“ мне очень нравится, заменять его не надо.

Все рассказы очень интересные и Мурзилкина почта.

Бума Горева.

Москва.

А кто ПРОТИВ?

Я очень люблю читать журнал „Мурзилка“, он очень интересный журнал. Но его надо назвать по-новому, этот журнал для маленьких детей, то его надо назвать „Октябренок“.

Игорь и Славик Резвые.

Дорогой Мурзилочка.

Я тебя очень люблю и жду, чтобы тебя назвали „Октябренком“. Я согласен с мнением Жени и Сони Быстровых, которые написали письмо в № 5 „Мурзилки“. Мурзилочка, я очень люблю читать, что про тебя пишут.

Москва.

Витя Бзевский, 5 л.

Дорогая редакция Мурзилка!

Я читаю твой журнал и нахожу, что в твоём журнале мало пишут о животных. Лучше, чтоб журнал назывался „Пионер“.

Ляля Фейгель, 7 лет.

Мне лучше нравится „Мурзилку“ называть „Октябренок“. Ещё мне хочется, чтобы все-таки были Мурзилкины похождения. Мне очень нравится, как жираф передаёт по радио сказки „Мурзилки“.

Володя Юдин.

ИТАК

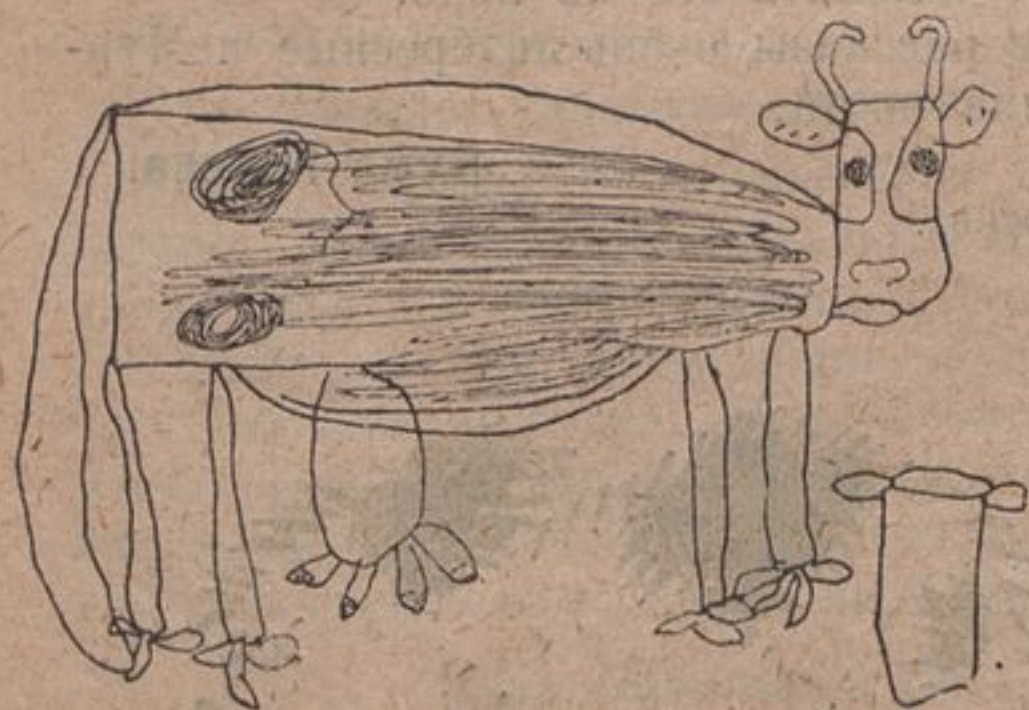
„Мурзилка“ пока поднял нос и хвост кверху:

ЗА НЕГО—19—ПРОТИВ—5.

Что мы заметили.

Ребячьи рассказы.

Корова.

Корову рисовала сама Люба.
Славная корова!

Бабушка купила корову: голова у нее белая, бока черные, рога ухватом, глаза синие, похожие на глаза дяди Шуры. На другой день корова с поля не вернулась, но дедушка ее разыскал.

Я с бабушкой каждый вечер стала ходить ее поить, ласкать и кормить кусочками хлеба, и корова стала приходить домой и больше давать молока.

Люба, 5 лет.

Гор. Рубцов.

Моя собака.

У меня есть собачка Рекс. Она у меня породы фокстерьер. Она любит играть в прятки, в догонялки, очень любит сидеть около окна, целыми часами смотрит на людей и собак; а увидит собаку,—лает. Возит меня на салазках только зубами.

Анатолий Фортунатов, 8 лет.

== РАДИ ЗАБАВЫ ==

Новые поговорки.

- Октябренок шустер,—и он запалит костер.
- Куда пионер с косынкой,—туда и октябренок с октябринкой.

Бондарь и клепка.

(Игра).

Все выстраиваются в круг. Один изображает бондаря и бегаёт вдоль всего круга, вне его.

Улучив удобный для себя момент, он выбивает „клепку“,—т. е. ударяет кого-нибудь из стоящих в кругу, а сам продолжает бежать дальше по кругу.

Выбитый игрок—клепка бежит по кругу в противоположном направлении.

Прибежавший на пустое место первым—становится „клепкой“ а опоздавший—уже бондарем.

СВИНКА.

Гуляет по садику свинка,
У свинки на спинке—щетинка,
И хвостик похож на крючок.

Чтоб свинке не простудиться,—
На ножках у свинки копытца,
А на носу пяточок.

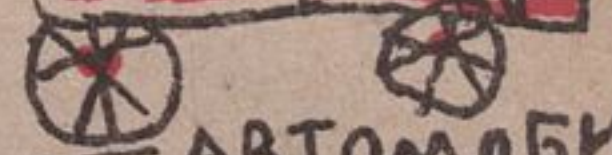
Валя Катаев (28-ми лет).

НАША ОКТЯБРЕННАЯ ГАЗЕТА

ПАРОВОЗ.

АВТОМОБИЛЬ
МЫ ЛЮБИМ ИГРАТЬ
В КООПЕРАТИВ.

Нам нужен меткий стрелок.

СКОРО
УСТРОИМ
НАСТОЯЩИЙ
КООПЕРАТИВ

Будем стрелками!

ВАСЯ КОГДА
ПРИЦЕЛИВА-
ЕТСЯ ЗАКРЫ-
ВАЕТ АВА-

ЭТО МЫ ВЫРЕЗАЛИ
ИЗ ГАЗЕТЫ МЫ БУДЕМ
СТРЕЛКАМИ УЖЕ СДЕЛА-
ЛИ ЧУЛУКА И БОСТРЕЛ.

КООПЕРАТИВ

ГЛАЗА А НЕ
ОДИН

МЫ ЖИВЕМ
В КОЛОНИИ
ОТ МОСКВЫ
40 ВЕРСТ.

ПАРОХОД РИСО-
ВАЛРОНА

МЫ УБИ-
РАЕМ ТРА-

ВУ, А БОЛЬШИЕ РЕБУТА
КОСЯТ

МОЙ ЗАЙЧИ-
БЫСТРЫЙ
ОКТЯБРЕНОК
МАМА СШИЛА
ЕМУ КРАСНЫЙ
ТАЛСТУК. ВАЦЯ-

РАДИО-ОКТЯБРЕ
НКА ХОРОШО СЛЫШНО КАК И В МОСКВЕ

РЕБУТА!!!
ПРИСЫЛАЙТЕ
РИСУНКИ